

Си-бемоль

Роман

Ольга Никитина

Ольга НИКИТИНА

Си-бемоль

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Никитина О. Ю.

Си-бемоль / О. Ю. Никитина — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Светлый, юмористический роман о взаимоотношениях, поиске любви и зигзагах судьбы. Что делать, если у подруги проблемы с личной жизнью, а твой хирург-стоматолог хорош собой по всем показателям? Вариант А: предложить подруге записаться к нему на прием. Вариант Б: организовать званый ужин. И как героине пройти кастинг в известный мюзикл, если прежняя любовь не дает как следует выспаться?.. Действие романа происходит в современной Москве.

© Никитина О. Ю., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	8
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	11
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	14
ГЛАВА ПЯТАЯ	18
ГЛАВА ШЕСТАЯ	20
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**СИ-БЕМОЛЬ.
СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН.**

Все персонажи этого произведения являются вымышленными. Любое совпадение с реальностью случайно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Солнце настойчиво рвалось в комнату через верхний угол матового стекла, действуя успокаивающе и будоражаще одновременно. Этот сноп яркого солнца непроизвольно напоминал мне о бабушке— у нее в квартире всегда ярко светит солнце. В какой бы точке комнаты, увешанной моими детскими фотографиями, я ни находилась— солнечное пятно обязательно найдет меня и усядется прямо на лоб, обливая теплом. Солнце— это витамин D. Матовые стекла с пупырчатými ромбами напоминают мне баню. Почему баню? Ах, да, наверное, из-за белой керамической плитки на стенах. Точнее не баню, а душевую кабину. Громадную душевую кабину, где вместо потока воды на меня льется витамин D. Восторг. Я чувствую, как немеет правая сторона— от верхней губы до середины нижней. Врач наполняет еще один шприц, но меня это не пугает. Я знаю, что больно не будет. Точно. Он медленно вонзает иглу куда-то в правую сторону рта, но я ничего не чувствую, кроме того, что небо-таки немеет. Думаю, я не смогу сейчас спеть си-бемоль. Почему именно си-бемоль? Просто люблю эту ноту. Пожалуй, больше остальных. Говорю это шепотом: не дай бог, остальные ноты это услышат. Нет, не больше. Просто си-бемоль — такая особенная нота, что на нее невозможно не обратить внимания. Другие ноты звучат одинаково каждый раз, когда их поешь. Но си-бемоль переменчива, как ветер мая. Верно, это из песни: ария герцога Мантуанского в опере «Риголетто». «Сердце красавиц Склонно к измене И к перемене, Как ветер мая.» Так о чем я?.. Как ласково светит солнце... никогда не думала, что поход к стоматологу может быть таким приятным. Ах, да... си-бемоль. Так вот, в этой ноте, на мой взгляд, заключен удивительный спектр экспрессии: она может звучать игриво, торжественно, печально, возвышенно, предупредительно, виновато и так далее, и так далее. Удивительная нота. А с чего это я вспомнила о ней? Наверное, из-за песни, что льется из усилителей. Солнце, музыка, хорошая компания. В самом деле, мой стоматолог— не только мастер своего дела. Он еще и приятный собеседник. Сыпет анекдотами, шутит... у него такие приятные морщинки в уголках глаз— шесть лучей по кругу. А руки... люблю мужчин с интеллигентными руками. Нет, не холеными, а именно интеллигентными. По таким рукам сразу видно человека чести. Таким рукам можно доверить свой рот. В таких руках сила, уверенность и нежность играют ноктюрн на флейте... нет, не водосточных труб, уж, простите, на флейте моих зубов. Я окончательно во власти анестезии и необъятного восторга. Эх, встать бы сейчас и пойти... двигать горы. Не знаю, что мне дало такой заряд бодрости— витамин D, анестезия или руки хирурга, но это лучше, чем кофеин.

— Ну, как, деревенеет?

Я усиленно мычу в ответ. На подоконнике стоит фигурка лопухого дантиста в халате и шапочке. В правой руке он победоносно держит чей-то зуб. Почему-то у него три ноги. Я сосредотачиваюсь на задаче, пытаюсь разгадать ребус. Виктор Евгеньевич выключает минорную Уитни Хьюстон. Мгновение стоит умиротворенная тишина, точно в комнате спа-салона. Не хватает только шума прибоя за окном. И вдруг к нам врывается искрящийся цыганский джаз. Брень-брень-брень, тук-тук, шарам-шарам-шарам. Мои онемевшие губы пытаются растянуться в улыбке.

— Главное в работе хирурга что?— вопрошает Виктор Евгеньевич, принимая у ассистентки Зины металлическую ванночку со скальпелями. Я жду ответа, предугадывая по умножившимся лучикам вокруг глаз ответ из арсенала КВНщика.

— Найти такую музыку, чтобы зубы сами вылетали,— объявляет он.

— Вот, Вы все хихикаете,— продолжает хирург миролюбиво, настраивая сверло,

— А ведь Вы, как человек творческий, должны знать о силе искусства.

Мне кажется, я слышу си-бемоли в каскаде прыгающих, точно ребятня на батуте, нот. И пока интеллигентные руки режут, пилят, долбят, тянут с хрустом что-то у меня во рту, я сосредотачиваюсь на музыке и трехногом дантисте. Почему три ноги? Найди си-бемоль. Я думаю о силе искусства и о том, что она как нигде уместна в кабинете хирурга-стоматолога. Я благодарю музыкантов, принимавших участие в записи этого альбома. Я представляю, что мой зуб мудрости, вдохновленный цыганским джазом, встрепетается и выпрыгнет сам в интеллигентные руки Виктора Евгеньевича. «Вспрянет ото сна» будет уместная в этом случае метафора. Мой зуб мудрости пребывает в состоянии самадхи с момента своего появления на свет: лежит горизонтально в десне, точно спящий Будда. Хотя я не чувствую боли, осознаю, что в полости моего рта происходит поистине ювелирная работа. Одно неверное движение, и скальпель, сверло или еще один из множества инструментов, которыми орудует хирург, точно золотоискатель в поисках жилы, соскользнут на десну и... си-бемоль– си-бемоль -си-бемоль.

Раздается треск, как у выворачиваемого с корнем дерева, Виктор Евгеньевич упирается и тянет, что есть мОчи... Опасный момент! И...зуб вылетает из лунки и падает со звоном в металлическую ванночку.

–Вы– бог!– сказала бы я, если бы могла говорить. Точно хорошо отрепетированный экспромт, несется из колонок победная легковесная композиция.

Я открываю глаза и по диагонали от плеча хирурга, накладывающего шов, вижу трехногого дантиста. Да это же ножка бормашины у него за спиной. Почему это было так важно, не знаю. Конечно, не бывает трехногих стоматологов, и все же разгаданный ребус наполняет радостью. Последние штрихи у меня во рту: дренаж, марлевая подушечка. Виктор Евгеньевич выключает музыку на экране компьютера. Подходит ко мне и говорит серьезно и немного устало:

– Мо-ло-дец.

Причем здесь я?! Это же все сила искусства! Но мой крик застревает в опухшей щеке и марлевой подушечке. Жаль, что уже пора уходить.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я запомнила желтую розу, возвышавшуюся над ровно подстриженным кустом. По какой-то странной случайности она выросла промеж зелени, туго спрессованной согласно замыслу садовника. Ослепительно желтая, свежая, лепестки раскрылись наполовину. Дерзкая, нежная, неожиданная... Тонкий стебель, к которому прикреплен бутон, стоит ровно посередине кустового параллелепипеда. А может, это – не случайность? Может, нарочно эту ветку посадили по какому-то творческому наитию садовника?.. Желтый шелк лепестков так и манит коснуться их, будто прикосновение передаст кончикам пальцев особенную энергию – энергию совершенной прелести, бесстрастной уверенности бытия. Так мужчина жаждет прикоснуться к красивой женщине, стоящей одиноко и задумчиво поодаль от веселой компании. Он сразу угадывает «особенность» такой красоты. Его будоражит, что она появилась здесь, среди ровной неприятельной зелени. Такая отличная от нее, такая иная... такая возвышенная. Ему ничего не стоит обхватить тонкий стебель пальцами, прямо над уровнем куста, слегка нажать, склонив в сторону... легкий хруст, и горделивая красавица сломана. Обрубок зеленого стебля некрасиво торчит чуть выше курчавой изумрудной шапки. Она больше не дитя природы, не самолюбивый шедевр создателя. Она принадлежит ему. Влажная слеза выступила на сломе стебля; колыхаются лепестки под легким дуновением ветра. Она еще прекрасна, еще благоухает ароматом свободы, но уже зависима. Поставит ли он ее в вазу с водой? Будет ли заботиться? Будет ли восторгаться ее красотой, пока не кончится срок?.. Или бросит... пресытится... растопчет...

Она торопится ко мне на встречу – тонкая, гибкая, в короткой джинсовой юбке. Точно модель на подиуме. На ней изящная желтая блуза – легкий шелк, с короткими, чуть ниже плеч, рукавами-фонариками. Мелкие перламутровые пуговицы. Почему-то именно эти пуговицы придают особый шарм. Винтаж, как говорят сейчас. Она перебегает дорогу и уже за несколько метров раскрывает объятия.

– Привет!

Мы обнимаемся. Мы не виделись пару месяцев. В Москве такое часто случается. Работа, дела, пробки...

Но сегодня мы обе совершенно свободны и входим в «Счастье». Буквально. «Счастье на крыше» – это кафе в Путинковском переулке. Поднимаемся на лифте, потом еще этаж вверх по узким ступеням, вьющимся вдоль белых стен, украшенных деревянными полочками с фигурками ангелов, ажурными салфетками и воздушными пирожными. И вот мы – на той самой крыше. Мебель цвета ангельского крыла. Белогривые облака-лошадки над головой. Небесно-голубые купола церкви перед взором. Мы садимся за столик прямо напротив куполов, на самом краю крыши. Приветливая девушка раскладывает перед нами меню: бар, кухня, десерты.

– Может, шампанского оформим? – подмигивает Виолетта. И я киваю в ответ. Мы заказываем шампанское. Прошла уже неделя после удаления зуба. Опухоль спала, и говорю я вполне членораздельно. Впервые за всю неделю я вышла в люди.

Нам приносят шампанское в ведерке со льдом, разливают пузырьки по бокалам. Есть что-то очень французское в этом кафе и, наверное, оттого счастливое. Мы поднимаем бокалы за встречу, делаем первый глоток, блаженно причмокиваем.

– Ну, рассказывай!

Виолетта на мгновение прикрыла свои огромные васильковые глаза, в которых столько мужчин тонули, будто увлеченные на дно русалкой.

– Все кончено.

– Надолго ли?

– Нет, теперь уже точно.

Она запнулась, огляделась по сторонам, но кроме девушки, увлеченно болтавшей по телефону на качели, в кафе никого не было. Понедельник, четыре часа дня.

– Я заблокировала его везде. Инстаграм, фейсбук, все телефоны удалила. С меня хватит!

– Что, все так же морочил тебе голову?

– Лжец, трус и... я просто устала, – махнула она рукой.

Я замечаю темные круги у нее под глазами, она сильно похудела с нашей последней встречи.

– Он все еще встречается с той... девушкой?

– Человек мне звонит среди ночи – приезжай, я скучаю. Я ему говорю: А дальше что? Я к тебе два года езжу. Что дальше?! Он мне: Не знаю. Я ему говорю: Тогда позвонишь, когда узнаешь. Все! Я живу своей жизнью. Пытаюсь, по крайней мере. Через месяц звонок, опять ночью. Срочно-припадочно, мол, скучаю, не могу, нужно увидеться. Ну и что? Я же делаю вывод, что человек принял решение. Мы встречаемся. И он после этого на неделю исчезает. В выходные я захожу в Инстаграм, на его странице ничего нового. Тогда я решила посмотреть на странице этой его... и я вижу...

Вита залпом допила шампанское и вытащила бутылку «Асти Мартини» из хрустящего льда.

– Я вижу: только что... вот только что! Выставлена фотография: она – в купальнике, а рядом – рука держит ракушку. И подпись: такой-то отель в Турции. Просто рука... Но я-то знаю, чья это рука. Когда я вот только несколько дней назад... каждый пальчик... понимаешь? Я такое раньше в фильмах видела и думала: да ну, ерунда, что тут такого. А теперь... эта ракушка... его рука на фотографии...

Она снова выпила, провела рукой по шее под длинными каштановыми волосами. Она никогда не красила волосы – натуральный цвет, густой каштановый, блестящий. Я украдкой пыталась разглядеть, не появилась ли у нее седина. Нам обоим было тридцать, обе выглядели максимум на двадцать пять. Одна из долгоиграющих наград, заслуженных многолетней преданностью художественной гимнастике. Вот только предательские седые волоски...

– Конечно, я ему позвонила. И так спокойненько говорю: Привет. Как дела? Мне просто интересно было, как человек себя поведет. Будет юлить или скажет правду. Ты где? – спрашиваю. Он: Что это еще за вопрос? Нормальный вопрос – говорю. Да я отъехал по делам. Один? Да нет, с друзьями. Ну, и все. Мне все было ясно. Я вспомнила весь свой запас редко используемой лексики и выдала ему. В смске. Я у мамы была – нельзя было истерить. Ну, и все. И удалила его отовсюду.

– За это надо выпить, – сказала я, и мы подняли бокалы.

Если бы людей определяли нотами, Виолетта стала бы си-бемоль. Она с детства была непредсказуемо-неожиданной. Капризная, своенравная, трудолюбивая, упрямая. Она была серой лошадкой, на которую никто не ставил, пока она не вырвалась вперед на финише. Когда я уже подумывала оставить спорт и готовиться к поступлению в университет, Вита вдруг превратилась из гадкого утенка в прекрасного лебедя, и через год была приглашена в сборную страны. Готовясь к Олимпийским играм, она одновременно училась заочно на экономиста. Выиграв бронзовую медаль на Олимпиаде, не зависла, купаясь в лучах славы. Не вышла замуж за выгодного жениха, не воспользовалась помощью многочисленных ухажеров, суливших золотые горы и исполнение любых желаний. Сама устроилась на работу в банк, начав с самых низов – с кредитного консультанта. Потом перешла в специалисты и спустя пять лет стала заместителем начальника отделения. Все, за чтобы она ни бралась, она доводила до конца. У нее были четко выработанные спортом и жизнью принципы, которым она неуклонно следовала. Был, правда, период, когда Вита едва не поддавалась искушению, едва не бросилась в омут с головой... Знакомый предложил ей поучаствовать в массовке на съемках фильма известного режиссера. Она согласилась «для прикола», а на съемках влюбилась в сам процесс, в кино,

в актерскую работу... Загорелась и несколько месяцев серьезно готовилась поступлению во ВГИК. Но... рассудительные, здравомыслящие люди за спиной говорили одуматься, приводили доводы, мыслили здраво... И она сдалась. Выключила сердце и включила здравый смысл. В самом деле, что за жизнь у актера.

«У каждого человека должна быть мечта,— сказала она мне однажды. — Вот и у меня будет мечта, над которой я смогу иногда погрузиться. Она продолжила работать в банке и больше я никогда не слышала от нее об актерстве. Но зигзаг судьбы изогнулся и ударил другим концом. Разум победил чувства? Ну, что ж, переходим к плану Б. И план Б появился в виде темноглазого, черноволосого, в общем, смазливового, хоть и на полголовы ниже Виолетты, чиновника, доктора наук и профессора в одном флаконе. И стена разума пала, затрепетали лепестки на ветру. Два года я наблюдала, как моя гордая, независимая, умная подруга сгибалась все ниже под давлением чужих пальцев, принимая все то, что когда-то отрицала; становясь той, кого критиковала; соглашаясь на то, против чего выступала... И, конечно, никакие доводы не могли помочь ей. Синдром Адели. Остается только ждать. Он или пройдет. Или нет.

— И какие планы теперь?

Она вздохнула.

— Взяла на работе максимальный отпуск. Завтра лечу в Милан.

— С кем??

— Да так. Старый знакомый. Он давно ко мне клинья подбивает. А мне сейчас так плохо, что я, наверное, соглашусь.

— Ну, и правильно. Лучший способ отвлечься.

— Вот, и я так решила. Если не уеду куда-нибудь, сойду с ума.

— Слушай, а тебе зуб не надо удалить?

— Что?!

Почти допитая бутылка шампанского родила странные мысли у меня в мозгу.

— Тебе надо удалить зуб. Это врач от бога! И потом— удивительная легкость! Как будто сбросила балласт. Честное слово.

Вита фыркнула.

— Он тебя там чем-то накачал, что ли?

— Еще как. Четыре укола. Но какой кайф! Я бы к нему каждый день ходила. К тому же он— артист в душе.

Вита рассмеялась.

— Свидание под морфием? Я уж лучше в Милан.

— Мы допили шампанское и заказали кофе.

И все-таки...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Белая юбочка-колокольчик покачнулась под тяжестью залетевшего в нее шмеля. Он уткнулся головой прямо в середину цветка, торчала снаружи лишь его мохнатая попка. Через мгновение вылетел и втиснулся в соседний цветок. Повозился там коротко, поднял головку, отерся лапками и полетел дальше. Мне на ум приходят строки из мюзикла Роджера и Хаммерстайна под названием «Король и я».

Мужчина-шмель, что опыляет цветок за цветком, за цветком. Женщина– цветок, что опыляется шмелем, за шмелем, за шмелем.

Я устремляю взгляд на дорогу. Молодая, очень загорелая статная женщина толкает коляску с тремя малышами. Одно сиденье впереди, два– сзади. Не могу не улыбнуться этой картине. Точно куклы, сошедшие с витрины Детского Мира: двое одинаково кучерявых блондинов в модных солнцезащитных очках и темноволосая барышня с аккуратно собранными в пучок волосами. Если бы они не двигались спиной вперед, можно было бы подумать, что едут они в Феррари по Лазурному побережью. Из нижнего отдела коляски выпала упаковка туалетной бумаги и женщина остановилась, укладывая ее обратно. Это дало нам возможность подольше полюбоваться двухлетними денди.

– Ох, я хочу таких же!– простонала Виолетта. – Хочу вот так же катать их в коляске, тискать. Не хочу ни работы, ни карьеры. Хочу мужа, детей и дом!

Мы прошли мимо афиш мюзикла «Граф Монте Кристо» в театре Оперетты. Я улыбнулась, вспомнив, как ходила на кастинг этого мюзикла. Я тогда так увлеклась разминкой, что не услышала, как назвали мой номер. Очнувшись много позже, пришлось объяснять комиссии свою оплошность и просить, чтобы включили меня в другую группу. После нервных метаний от одного к другому, я, наконец, получила разрешение станцевать. И вылетела из первого же тура.

–

Ну, так выходи замуж,– сказала я.

–

Наверное, выйду,– согласилась Вита. –Если через два месяца мне будет так же одиноко, то соглашусь. Все-таки приятно было чувствовать себя женщиной.

Она коснулась новой подвески на шее какого-то эксклюзивного итальянского дизайнера.

– Мне даже говорить ничего не надо было. Он угадывал и претворял в жизнь все мои желания. Замерзла– мы заходим в бутик, и он покупает мне три кардигана.

– Как в кино,– говорю я.

– Ага,– в ее голосе звучит какое-то новое ленивое удовольствие. – А я ведь никогда раньше не позволяла себе так расслабляться. Я же всегда сама, всегда была независимой во всех отношениях.

– Но не раздражает же?

– Наоборот. Оказывается, очень приятно. Нет, мы замечательно провели время. Как говорится, взаимовыгодное сотрудничество. Ему нужно было за кем-то ухаживать, а мне нужно было чье-то ухаживание. Сказал, через два месяца придет со сватами.

Она вдруг замедлила шаг возле административного здания.

– Не хочешь познакомиться? Он тут работает.

– Кто? Я думала, он бизнесом занимается.

– Да нет. Другой.

– Ты что, снова? На те же грабли?!

– Знаешь, что он мне сказал? «Я же вижу, что ты не со мной. Мы вот сидим-разговариваем, а ты– не здесь. Ты– с другим.» И он прав. На меня порой такая грусть накатывала– хоть

на стенку лезь. Я тогда уходила в угол и сидела там одна, с бокалом вина. И вспоминала. Так, может, зайдем?

– Хочешь-иди. Но без меня.

– Нет. Не пойду. А у тебя такое было? Когда разум отключается и ничего не можешь с собой поделать?

– Да у меня только так и было, пока замуж не вышла.

Вита коротко рассмеялась.

– Нет, я знаю. Надо найти своего человека. Но мне с ним так хорошо. По иному. Я с ним не капризничаю, не показываю характер. Понимаешь, с другими мужчинами я позволяю себя любить. Они заглядывают мне в рот, совета спрашивают, даже в своем бизнесе. А с ним... с ним я всегда пытаюсь соответствовать. Он бросает мне вызов постоянно, а я должна с ним справиться. Но потом, когда он признает, что я права... Вот, что мне нужно!

– Очередная олимпийская медаль?

– Да, наверное. Я знаю, это все спорт. Спорт учит справедливости, честности, моральным принципам.

– Правильно. А он работает там, где все наоборот.

– Ну, да. Он привык к отсутствию всяких принципов.

Некоторое время мы молчим.

– Наверное, я все-таки выйду замуж. В конце концов, не понравится – разведусь.

У меня еще один козырь в кармане, но я решаю придержать его. До поры до времени. А дело в том, что...

–

Оф, фафие филье фетишки, – забросила я удочку.

Моя предпоследняя перевязка. Лунка быстро затягивалась. Поменяв дренаж, Виктор Евгеньевич снова положил сверху марлевую подушечку, хотя я уже ими и не пользовалась. Но не спорить же с профессионалом. Эта-то подушечка и составляла главное препятствие в моем нехитром плане.

– Что-что, простите? – обернулся он, набирая номер на стационарном телефоне.

– Фафие филье фетишки, – повторила я, изо всех сил стараясь и тыча пальцем в экран его компьютера, где на заставке стояла фотография: три мальчугана разного возраста и двое мужчин в масках Бэтмена. Виктор Евгеньевич взглянул на экран и, как будто, наконец понял, о чем речь. Но тут в трубке кто-то ответил, и он отвлекся. Я чувствовала себя ужасно глупо. Мой план был до смешного прост: узнать для начала, женат ли хирург. Если женат, то все дальнейшие действия не имеют смысла. Если нет, то... то, что, – я еще не знала. Предпочла двигаться постепенно. На вид ему было около тридцати шести лет и... я упомянула, что он выглядел почти как тот актер?.. с такой «языксломаешь» фамилией... он еще играл Шерлока Холмса в новом английском сериале. Курчавые темные волосы, острый слегка насмешливый взгляд зеленых глаз. Хотя лицо у Виктора Евгеньевича было немного более вытянутое, а уголки рта чуть опущены книзу – когда он не улыбался, то выглядел слегка опечаленным. Но зато улыбка преображала его, будто звездочки выпрыгивали из зеленых глаз, и эти лучики солнца, сиявшие в уголках... Словом, меня не переставала преследовать навязчивая идея, что он с моей подругой может найти много общего. Оставалось немного... узнать, не занят ли он. И как же трудно это сделать, когда рот набит марлей. Призвав на помощь дух Демосфена, я ждала, пока врач закончит разговор. Он просил найти кого-то, кто должен был ему позвонить и попросить его позвонить на рабочий номер, потому что мобильный он оставил дома. Разговор отнял время, которое мне полагалось сидеть в кресле и которое я собиралась использовать для расспросов. Закончив разговор, Виктор Евгеньевич посмотрел на меня, точно вспоминая, почему я тут сижу, потом указал на стул рядом со своим. Это был знак присесть для назначения следующего визита. Перед тем, как он открыл таблицу с расписанием пациентов, я попыталась в третий раз.

– Это фсе фафи фетифки?

– Да,– сказал он, сворачивая таблицу и указывая на мужчину в маске.

– Это старшенький...

Мое ошарашенное молчание ему, явно, понравилось, и он добавил.

– Шутка. Нет, это мы с товарищем. Он, между прочим, в соседнем кабинете работает. Вот эти двое– его сорванцы, а вот этот– он показал на самого маленького, мой.

– Какой милый...– и дальше мне предстояло задать один единственный вопрос, чтобы угодить прямо в яблочко с первой попытки. Я пошла ва-банк.

– А фафа фена тофе фтоматофоф?

– Что, простите?– он внимательно посмотрел на меня, будто собираясь читать по губам.

– Фафа фена тофе фтоматофоф?– почти с отчаянием выкрикнула я, как будто громкость могла повлиять на степень отчетливости.

– Нет,– Виктор Евгеньевич замолчал, изучая таблицу. – В следующий вторник в 17.00 подойдет?

Я промычала утвердительно.

– Моя супруга людей не мучает. Она стилист-парикмахер.

«Господи, я слишком много и рано нафантазировала!» Я улыбнулась. И медленно поднялась со стула, считая неприличным оставаться дольше.

– Фо фидания,– я направилась к двери.

– Правильнее было бы сказать, моя бывшая супруга,– услышала я размеренный голос за спиной.

И сделала все возможное, чтобы не обнаружить свою радость. Собрала лицо в кучку и скорбно покачала головой.

– Я как-то еще не привык к этой формулировке,– добавил Виктор Евгеньевич серьезно, глядя куда-то в пол по диагонали.

Я кивнула и поспешила выйти.

– Фо фидания!– воодушевленно крикнула я администратору и, стянув бахилы, выбежала на улицу.

«Мохнатый шмель– на душистый хмель,

Мотылек– на вьюнок луговой,

А цыган идет, куда воля ведет,

За своей цыганской звездой!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Звякнула тарелка о тарелку. Шероховатая, коричневая,— я мою ее первой, потому что не люблю, когда она трется об остальную посуду: происходит неприятный скрежещущий звук, от которого у меня сводит зубы. После коричневой— две большие полосатые— прекрасная блестящая керамика, желтая, с черными полосками, мамин подарок к новоселью. Мне нравится журчание воды из-под крана, нравится негромкое шипение мыльной пены в раковине. Из гостиной доносится звук телешоу, которое смотрит мой муж. Он обожает смотреть дебаты между учеными. Сейчас тема дебата— свобода воли. Я не разделяю его пристрастия; я с большим удовольствием читаю книгу. Сама не знаю, почему, но напыщенные споры на экране меня раздражают, как комар, зудящий где-то над ухом. Я слышу шаги в коридоре и улыбаюсь, зная, что мне предстоит философский спор на тему «свобода воли». Сейчас он войдет и спросит: «А что ты думаешь об этом вопросе?» И мы начнем собственный дебат. Иногда обсуждения бывают жаркими и затягиваются надолго. Мой муж— один из нескольких людей, с кем я люблю спорить. Он не навязывает свою точку зрения, он не пытается переадавить меня криком и эмоциями, он не против принять какие-то из моих доводов, если они кажутся ему убедительными. Я же восхищаюсь его спокойствием, умением так ясно выразить сложную мысль, что она вдруг распадается на дольки, точно правильно разрезанный арбуз. Его желание услышать мою точку зрения мотивирует меня на более вдумчивое отношение к предмету. Порой я выуживаю из своего ума неожиданные находки, которыми горжусь еще долгое время.

— Это интересно,— говорит он в таких случаях, и я сияю, точно чисто вымытая тарелка.

— Свобода воли— очень философский вопрос. Это как яйцо и курица. Как глубоко ни копай, все равно не узнаешь истины,— говорю я. — Предположим, я скажу, что поднимаю руку по своей воле. Но кто вложил в мою голову желание поднять руку? Откуда взялась именно эта мысль именно в этот момент? Являюсь ли я действительно свободной в своих желаниях?

Он обдумывает.

— Да, это верно. С другой стороны, разве тот факт, что мы способны наблюдать процесс возникновения мысли, не доказывает, что мы обладаем свободой эту мысль изменить?

— Мы можем наблюдать мысль, но значит ли это, что мы можем ее контролировать?— говорю я, вытирая руки клетчатым полотенцем и возвращая его обратно на крючок под шкафчиком для посуды.

— А разве нет?

— А как насчет ситуаций, когда человек понимает разумом, что не должен чего-то делать, но не может остановиться?

Я намерено перевожу разговор в интересующее меня русло.

— Например?

Ядвигаю высокий черный барный стул ближе к подоконнику. Чуть подальше от своего собеседника. Малогабаритная кухня выглядит «костюмчиком не по размеру» для моего рослого атлетического супруга.

— Например, когда человек влюбляется в того, кто ему доставляет одни мучения. Он уже понимает, что надо остановиться, но не может.

— Хм... Возможно, человек не хочет останавливаться.

— Типа нет слова не могу, есть слово не хочу?

— В страдании ведь тоже есть удовольствие. А удовольствие рождает желание повторить.

— Но какая же это свобода, если мы, получается, идем на поводу у гормонов и инстинктов? Тогда можно сказать, что и животные обладают свободой воли.

— Животные не могут захотеть перебороть инстинкты. А человек может.

— Ой— ли?

– Не все, конечно. Но опять же, те, кто не могут, совершают осознанный выбор.

– Значит, ты– за свободу воли.

Он снова задумался.

– Я не отрицаю такой возможности.

Я улыбнулась.

– Это не ответ.

– Еще какой ответ. Я допускаю, что человек обладает свободой воли. Я так же допускаю, что он не обладает.

– Софист.

– Я тоже тебя люблю.

Мы весело рассмеялись. Это был один из тех моментов. Уютный желтый свет, легкий запах ванили, его смеющиеся серые глаза. «Лучше не бывает.»

– Мне нужно устроить свидание. Но я не знаю, как это осуществить.

– А подробнее?

– Я хочу познакомить свою подругу со своим врачом, который удалял мне зуб. Но я не хочу, чтобы они знали, что я хочу их познакомить.

– Почему?

– Ну, потому что... Так ничего не получится. Все должно быть спонтанно.

– Понятно. Тогда запиши ее к нему на прием.

Я фыркнула.

– Ей не нужен врач. Ей нужен муж.

– Аа...

Я вкратце обрисовываю ситуацию. Жду. Ровно тикают часы с кукушкой на стене– бабушкин подарок. Кукушка, правда, мирно спит за деревянной дверцей. Пришлось отключить ее. Сигналы е-мэйлов, фэйсбук обновлений, смсок и скайп-вызовов,— это еще куда ни шло, но ежечасное «ку-ку!»— это уже слишком.

– Хм...— снова сказал мой муж. — Даже не знаю.

– А что, если я приглашу их на концерт. Ты же сможешь достать билеты?

– Думаю, да. Но... как ты все это устроишь? А если он придет с кем-то?

– А мы не дадим ему такой возможности.

– Хм... А почему бы тебе не пригласить их обоих на ужин?

– Я думала, но это как-то странно... приглашать малознакомого человека в ресторан... с чего...

– Я не говорю про ресторан. Пригласи к нам.

– Что?! К нам домой?

– Конечно.

Приглашать людей в дом. Этот ретроградный обычай наших родителей как-то давно вышел из употребления столичных жителей. Готовить застолье, накрывать, убирать...суетиться...как далеко и забыто это все. Пора давно минувших дней.

– Как-то это неловко...

– Начнем с того, что твоя идея вообще неловкая. Зато– непринужденная обстановка. Бесплатная еда. Музыка послушаем, потанцуем, может, и познакомятся.

– Хм...Это надо обдумать.

– А что тут думать? Куй железо не отходя от кассы. Завтра суббота. Вот и приглашай.

– С ума сошел! А подготовиться? Как же так, с бухты-баряхты!

– Зато отвертеться не успеют. Ты же знаешь, как у нас...ой, заболел... срочная командировка... валенки промокли...

– Май на дворе. Какие валенки?

– Ну, ты поняла мысль. Давай-давай, звони.

– А что это ты так оживился? На подругу мою хочешь взглянуть?

– Да поесть наконец-то!

– Не поняла, что за грязные намеки?

– Конечно. А то после шести не есть. Теленочком станешь.

– Поросеночком,– улыбаюсь я.

– Все равно нелюдь.

Я уже беру телефон, хотя и пребываю в сильных сомнениях. Одно дело– живо фантазировать, и совсем другое– идти в атаку. К тому же, я терпеть не могу разговаривать с людьми через телефонную трубку.

– А какой повод?– надеюсь я посадить впросак моего ненаглядного и тем самым оттянуть момент.

– Придумай что-нибудь. Майские праздники. Прошедшие. Будущий день защиты детей. Поминки твоего зуба. Да мало ли поводов у русского человека, чтобы... в гости сходить!

– Ладно. Узнаю у Виты сначала.

К моему удивлению подруга согласилась моментально и радостно.

– А кто еще будет?

– Да так, может, пара знакомых. Если смогут,– начала я плести свою сеть.

Следующий звонок был куда более волнителен. Слушая длинные гудки, я уже обрадовалась, что никто не ответит, и была готова бросить трубку, когда приятный голос произнес:

– Да-да. Слушаю.

Я зажмурилась.

– Виктор Евгеньевич. Добрый вечер. Это, конечно, неожиданно, но мы с мужем хотим пригласить Вас на ужин.

– Простите, не расслышал.

Я вцепилась пальцами в барную стойку, заменявшую обеденный стол, и по слогам произнесла, точно декламируя стих на уроке литературы.

– Мы с му-жем хо-тим приг-ла-сить Вас на у-жин к нам до-мой завтра ве-че-ром.

Не слишком ли много информации в одном предложении?..

Повисло озадаченное молчание.

Спасибо. А что за повод?

– Похороны зуба... шутка... нет... дело в том, что...– я посмотрела на подленько улыбавшегося супруга и уверенно произнесла.

– Дело в том, что мой муж– тоже стоматолог. Детский. Я рассказала, какой В необыкновенный мастер своего дела. Он жаждет с Вами познакомиться.

Улыбка сползла с лица мужчины напротив меня, как сползает из рожка подтаявшее мороженое.

– Ну, что ж, приятно, черт возьми. Коллеге не могу отказать. Буду с удовольствием. А где Вы обитаете?

– Я Вам пришлю смской адрес. Во сколько Вам удобно?

– Как хозяйка скажет.

– Шесть-семь? Я в любое время доступна... то есть... готова... мы... мы готовы. *О, черт!*– это мысленно.

– Тогда в семь. Что-то принести?

– Нет-нет, все есть. Главное, приходите. Спасибо. Тогда до завтра.

– Вам спасибо. До завтра.

– И что это значит?– спокойным ледяным тоном обратился ко мне муж. – Я, надеюсь, ты скажешь ему завтра, что я не детский стоматолог?!

– Милый, ну, пожалуйста! Ты же слышал– он сказал: «Не могу отказать коллеге.» А так бы отказал. Ну, побудь один вечер стоматологом,– взмолилась я.

Он долго и пристально на меня смотрел, наконец, сказал:

– Это шутка, да?

– Помнишь, когда у тебя не было работы, ты за месяц выучил весь учебник истории, чтобы стать туристическим гидом. А тут– всего один раз про зубы поговорить. Прочтешь пару сайтов и все. Ты же у меня такой умный!

Он смерил меня взглядом.

– В таком случае ... я хочу лазанью.

– Без проблем.

– Пирожки с луком и яйцом;

– Хорошо, милый.

– И... пончики! С шоколадом.

– Это же все такое... жареное,– промямила я.

– А, совсем забыл! У меня завтра вечером репетиция,– театрально хлопнул он себя лбу.

– Ты не серьезно ведь, да?

– Еще как серьезно. Но... за пончики я, возможно, мог бы ее отменить,– лукаво прищурился он.

Нежный поцелуй закрепил сделку.

– Но за продуктами идем вместе,– сказала я. И прежде чем он успел возразить, добавила.

– Сейчас.

Он горестно вздохнул.

– А я-то собирался почитать о новинках детской стоматологии.

– Вот придем, и будешь читать,– не поддалась я.

– Кстати, можешь почитать, пока я составлю список продуктов.

– Слушаю и повинуюсь. Я тебе говорил сегодня, какая ты красивая?

И мы снова скрепили сделку.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Я решила, что темой ужина будет «Смайл»– улыбка. Подходит и ситуации, и компании. Где же еще улыбаться, как не в присутствии стоматолога. Солнечно-желтая скатерть на столе, полосатые желто-черные тарелки, приветливые желтые салфетки со «смайликом»– сияющей во весь рот мультяшной головой. Даже в прозрачные бокалы я поставила картонную вкладку со смайликом, так что они полностью изменили свой облик. Главное, напомнить гостям вытащить вкладку перед тем, как наполнить бокал. День пролетел быстро, и только уставшая поясница и урчавший желудок служили напоминанием того, что я провела полный рабочий день на кухне, за приготовлениями. В определенном смысле это было именно то, что нужно, так как хлопоты избавили меня от волнений и переживаний за то, как все пройдет. Лазанья доходила в духовке, пончики прятались под фольгой, благоухая ванилью. Пирожки удались и соблазнительно выпячивали румяные бока из весенне-зеленого салатника. Оставив на последний момент нарезку овощей, я приступила к оформлению самой себя, и первым делом отправилась в душ.

Расслабившись под теплыми потоками воды, я представляла себе предстоявший вечер. Хотелось, чтобы все прошло «позитивно». Я чувствовала некоторую вину за свое сводничество. Успокаивая себя тем, что намерения у меня самые, что ни на есть, благие, и, как справедливо заметил мой муж, если ничего не получится из общения, гости хотя бы вкусно поедят. Думаю, в тот момент я особенно отчетливо осознала значение «трапезы» в социальной жизни человека. Не средство для поддержания жизнедеятельности организма, не услаждение рецепторов, не принятая обществом норма, а именно рычаг, запускающий механизмы человеческого общения друг с другом. И если мы называем «бичом» нашего времени социальные сети, сводящие к минимуму потребность и необходимость живого разговора, то не является ли таким же бичом и система современного питания? Фаст-фуд, полуфабрикаты, рестораны быстрого питания... Вы когда-нибудь пробовали вести разговор за гамбургером? Попробуйте. Возможно, где-то между попытками откусить его, не потеряв половину содержимого, выскребания салатного листа из зубов и ежесекундного вытирания майонеза и кетчупа, вы сможете высказать умную мысль. Конечно, кто-то возразит, что фастфуд потому и называется «быстрой едой», что он не предназначен для разговоров. Перехватил и пошел. Но не становится ли фастфуд закономерностью? Зачем готовить дома, если можно перехватить по дороге. Зачем варить ребенку суп, когда можно привести его в фудкорт. Уважение к еде уходит в прошлое, как и уважение к человеческому общению. Наполнить желудок, отделаться общими фразами, засунуть что-нибудь в рот. И вот мы теряем рычаг социального общения. Мы перестаем ценить «трапезу». Мы перестаем ценить живой разговор. И мы перестаем готовить. Перестаем говорить. Мы собираемся с друзьями в ресторане и общаемся поверх мобильных. Спросите нас наутро, что мы ели. И мы вряд ли вспомним. Зато мы точно помним, какую фотографию выставила наша подруга в Инстаграм. Кажется, я слишком задержалась в душе. Выключаю воду, поспешно вытираюсь и начинаю готовиться к встрече гостей.

– А нам обязательно ждать?– поинтересовался мой муж. – Очень кушать хочется.

– Ты помнишь свою профессию?– спросила я, аккуратно разглаживая желтое коктейльное платье.

– Угу. Музыкант.

– Стоматолог!– я начинаю ощущать предстартовый мандраж. –Сегодня ты-стоматолог детского профиля. Ты же обещал!

– Помню-помню. Это подойдет?– он достает из шкафа футболку с изображением плюшевого медведя рядом с тарелкой мюсли. Я знаю, что он терпеть не может сорочки.

– Подойдет,– соглашаюсь я.

Он добавляет модный серый жилет, сразу придавая своему виду что-то легковесно-французское. Я одобрительно хмыкаю.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Уже поглядывая на часы в ожидании первого гостя, я с наслаждением вдыхала аромат печеного, жареного и ванильного и нежилась в осознании собственной значимости. Вот здесь, в этот самый момент я состязалась с судьбой, намереваясь повернуть ее ход под другим уклоном. Выйдет ли что-нибудь из моей затеи? Я пригладила непослушные волосы, выбившиеся из гладкого высокого пучка. Аккуратные сережки с маленькими бриллиантами поблескивали в зеркале. Все как надо – не слишком торжественно, не слишком буднично. Как говорится, скромно и со вкусом. Негромкое «тинь-тинь» все же заставило меня вздрогнуть. Поворот железной ручки а-ля сейф первой двери, щелчок замка внешней двери.

– Добрый вечер! Проходите, – поспешила я пригласить гостя в прихожую.

На лестничной клетке пахло ядовитой хлоркой. Виктор Евгеньевич выглядел очень элегантно в джинсах и темно-красном тонком пуловере, из-под выреза которого выглядывал клетчатый ворот сорочки.

– К столу, – он протянул мне изящной расцветки пластиковый пакет. – Не был уверен, красное или белое, поэтому решил взять обе, – рассмеялся он, и от его смеха напряжение у меня внутри сдулось и растворилось где-то в желудочном соке.

– Прекрасно. Хорошо, когда есть выбор, – я осторожно взяла пакет.

– Пожалуйста, познакомьтесь. Мой муж Тимур. Тимур, это Виктор... Евгеньевич.

– Просто Виктор. А то я чувствую себя очень старым.

Мужчины обменялись рукопожатием. Они были практически одного роста, врач был совсем малость пониже и немного уже в плечах. Я невольно задержалась взглядом на упругих мышечных бицепсах Тимура под рукавами футболки.

Я пригласила гостя в комнату, предлагая аперитив, что-то рассказывая и занимая время. Он заинтересовался альбомом с нашими свадебными фотографиями и, воспользовавшись моментом, я утянула мужа на кухню.

– Ты готов к своей роли? – прошептала я.

– Я постараюсь.

– Я на тебя рассчитываю!

Мы вернулись в комнату к гостю, который выразил восхищение фотографиями. Его комплименты плавно перетекли в непринужденную беседу, во время которой я украдкой посматривала на телефон. Виолетта задерживалась, и я досадовала, что она пропускает интересные истории из жизни своего «потенциального» кавалера.

– Мы еще кого-то ждем? – осведомился врач, разбавляя красное вино водой.

– Да. Мою подругу. Она должна быть совсем скоро.

– Он вежливо и, как мне показалось, удивленно улыбнулся.

– Где практикуешь, Тимур?

Лицо моего мужа осталось бесстрастным, точно у египетского сфинкса, но в следующую секунду он протянул:

– Ээ... – и бросил на меня быстрый взгляд, говоривший: «Прости, ты же знаешь, я не умею врать. Ты сама меня в эту дурацкую ситуацию поставила, и лучше рассказать все сейчас, пока не поздно, чтобы я мог спокойно наслаждаться ужином.

Мое тело среагировало прежде, чем мозг обработал информацию.

– Ой-ой-ой, ну, почему это всегда со мной происходит! – запричитала я над разливавшимся по столу бокалом вина. Солнечно-желтая скатерть в середине набухла причудливой кляксой. К счастью, бокал стойко перенес мое покушение. Мужчины кинулись мне на помощь, и втроем мы очень спорно переместили посуду со стола на диван. Я сняла мокрую скатерть и

заменяла ее не такой тематической красной. За хлопотами опасный вопрос как-то сам собой снялся, по крайней мере, на время. И тут в дверь позвонили. Я радостно бросилась на зов.

Виолетта была неотразима: облегающее, ниже колен, платье-карандаш с высокой талией, черное с аккуратными, искусными вкраплениями белого; небольшие жемчужины в ушах; волосы зачесаны назад и распущены по плечам безупречным шоколадным каскадом. Минимум макияжа направлял взгляд точно в синеву глаз.

– Извини, опоздала,– сказала она, протягивая бутылку вина и швейцарские конфеты.

– Ерунда. Я тебя кое с кем познакомлю. Пойдем же!

– Ну, дай взглянуть хоть на себя,– прошипела она, быстро оправляясь у зеркала в прихожей.

– Ты прекрасна, спору нет! Познакомьтесь! Виолетта,– почти втолкнула я ее в комнату.

Мужчины привстали, и я успела заметить, как взгляд стоматолога метнулся от высокой груди моей подруги к ее лицу.

– Виктор,– он слегка поклонился.

– Очень приятно,– она опустилась на стул напротив нового знакомого.

Мы с Тимуром сидели рядом друг с другом на широком диване-тахте. Было низковато, но других стульев не имелось, кроме высоких барных, и мы по детской привычке подложили под себя подушки.

После общего госта приступили к легким закускам– пирожки с луком и яйцом, канапе с семгой и овощами, салат и сырная нарезка.

– Как самочувствие?– поинтересовался у меня Витя. Я подняла вверх большой палец, так как рот был занят пережевыванием.

Рядом со мной Тимур активно уминал канапе, складывая зубочистки горкой. Явно нервничал. Мне стало его жалко, но, в конце концов, искусство требует... Я весело призвала гостей не превращать закуску в еду, ибо впереди ждало еще горячее.

– Ох, но все так божественно вкусно, что остановиться просто невозможно,– простонал Виктор, и Тимур поддержал его одобрительным мычанием.

– Виолетта...

– Лучше Вита,– поправила красавица.

Она терпеть не могла свое полное имя, считая его чересчур вычурным.

– Как скажете... У меня такое чувство, что я Вас где-то видел.

– Вита снималась в фильме у самого Корнейчука!

– Это был крошечный эпизод, к тому же массовка...

– Неважно. Тебя там отлично видно!

– х, вот как! Так Вы-актриса?

Я удивлялась, почему Витя обращался к собеседнице на «Вы». Сам же говорил: «Без церемоний»...

– Нет. Это мое хобби. А если точнее– бывшее хобби.

– Отчего бывшее?– заинтересованно спросил Виктор. – Я, конечно, дилетант, но камера должна Вас любить.

Вита насмешливо вздернула брови.

– Спасибо,– она залпом осушила бокал белого вина, и Тимур наполнил его снова.

– А у тебя есть хобби?

Хобби у меня есть и, в отличие от профессии, совершенно безобидное,– рассмеялся Виктор. –Я играю на кларнете.

Тимур толкнул меня в бедро костяшками пальцев.

– Надо же, какое совпадение!– воскликнула я. –Тимур тоже играет...

– На кларнете?

И на кларнете тоже... – кивнул мой муж, тщательно изучая содержимое своей тарелки, усеянной зубочистками, точно поле битвы крестового похода.

– А давайте создадим группу, а? У меня товарищ играет на барабане! Будет у нас оркестр стоматологов. Назовем: Наркоз и Рок-н-ролл! Как тебя идея, Тимур?

– Момент... А при чем здесь Тимур? – удивилась Вита. – Он же...

– Ну, что, готовы к горячему? – хлопнула я в ладоши. – Вита, помоги, пожалуйста. И я увела подругу на кухню, всучив блюдо с лазаньей.

– У тебя все в порядке?

– Не знаю. Как-то, – вздохнула она и добавила шепотом.

– А что у вас делает стоматолог? Ты что, нас свести решила?

– Боже упаси! Он...

– Он что?

– Я подумала, что тебе нужно отвлечься. А он в разводе.

– Какое счастье, – фыркнула Вита.

– Не нравится?

– Мне вообще мужчины не нравятся в данный момент.

– Тогда у меня есть сногшибательная подруга по теме!

– Вита нервно рассмеялась.

– Пошли уже, сватья баба Бабариха.

Одна из двух аппетитных, пропитанных сыром и томатным соусом, лазаний, была вегетарианской, вторая – такая же аппетитная, но мясная, предназначалась для Виктора. Накануне мы немного повздорили с Тимуром по этому поводу. Он считал, что не нужно готовить мясных блюд, дескать, один вечер переживет и без мяса. Я настаивала на том, что вкусы гостя надо уважать.

– Откуда ты знаешь его вкусы?

– Потому что он говорил про котлетки и холодец однажды... когда менял марлю.

– Мало ли что он говорил. Это не значит, что он не может один вечер продержаться без мяса.

– Слушай, ну, какая тебе разница? Я же готовлю, а не ты.

– Просто я считаю, это неразумно, – сказал Тимур и, надувшись, ушел в комнату. Он никогда не повышал голоса, но малейшее его недовольство отзывалось во мне болезненным резонансом. Я забралась на диван и обняла его, прижавшись к широкой спине.

– Когда я еще ела мясо, то любое назидание со стороны вегетарианцев казалось мне чужью. Я не хочу, чтобы человек подумал, что мы навязываем ему свои вкусы. Должен быть выбор.

Он молчал. Но в его молчании я почувствовала свою победу. Одна из маленьких тайн супружеской жизни – понимать друг друга без слов.

– Ладно, о, мудрейшая из мудрейших. Тогда и у меня должен быть выбор: есть после шести или не есть после шести. Я не шучу! – крикнул он вслед моему удалявшемуся смеху.

– Вот это да. Значит, вы все тут против закона Дарвина? – улыбнулся Витя, с готовностью протягивая тарелку к большому куску.

– Минуточку, – вмешалась Вита. – Живодерни к закону Дарвина не имеют никакого отношения.

– Ну, каждый имеет право на свое мнение. Хорошо, что мы живем в эпоху толерантности ко вкусам других.

Мои дипломатические попытки не увенчались успехом. Вита вступила в запальчивую дискуссию с врачом. Философия New Age против накопленного поколениями опыта. Новшества против традиций. Метафизика против рационализма.

– Желудок хищника в три раза короче желудка человека. Мясо переваривается шесть часов. А то, что не переваривается, гниет у вас в организме.

Я тихо восхищаюсь способностью Виты оставаться привлекательной, даже произнося такие речи.

– Во всем нужна мера,– отвечал стоматолог. – Но Вы меня не переубедите, что крепкий куриный бульон во время болезни можно заменить простой водой.

– Мисо-суп,– парировала Вита.

На лице Виктора отразилась гримаса.

– Вы, наверняка, знаете, что все соевые продукты модифицированы. По крайней мере, у нас в стране.

– А ваш бульон можно вместо антибиотиков прописывать! Все курицы ими пропитаны. И вообще, не понимаю, как врач может быть напрочь лишен сострадания. Вы хоть раз видели, что происходит на живодернях?! Нет? Так поинтересуйтесь. Простите, я на минуту.

Ни разу не наклонив плеч за все время трапезы, Вита с такой же королевской осанкой поднялась и прошествовала в кухню, держа подмышкой сумочку.

Я попросила прощения за подругу. Виктор заверил, что здоровый спор ему только в удовольствие и потянулся за добавкой. Тимур, кажется, решил наесться на годовой запас ужинов вперед.

Вита стояла у окна в кухне, прижав трубку к уху. На улице в школьном дворе приятный юношеский тенор пел под гитару. Звуки песни. Выпитое вино вдруг на мгновение выбросило меня из этого пространства совсем в другую жизнь. Всего лишь на краткое мгновение накрыла меня густая пеннистая волна прошлого, такая реальная и холодно-упругая, она подбросила меня, оставляя соленый привкус во рту. Или это горчило вино...

Вопрос подруги втянул меня обратно в мою кухню, под свет белого плафона и запах пищи.

– Что?

– Точный адрес,– настойчиво повторила Вита.

– Ты что, уезжаешь? А десерт?..

Она показала пальцем в телефон, мол, там ждут. Я продиктовала адрес. Она передала, и по тому, как она демонстративно холодно отключила вызов, стало все ясно.

– Ты опять? – улыбнулась я, хотя мне хотелось наорать на нее и запереть в комнате.

– Ну, прости,– она молитвенно сложила руки. – Но он сейчас приедет. Сам!

– Боже, какая честь.

– И, знаешь, спасибо тебе за... Я ему написала, что кое с кем познакомилась, так он сразу взбеленился. Вот теперь-едет!

Безумный блеск в глазах. Румянец на щеках. Мысли уже там, с ним...

«Останься. Не уезжай. Не будь дурочкой»,– хотела сказать я ей. – «Там уже ничего не найти, кроме сожалений и боли. Даже если тебе кажется, что это наслаждение. Не будь жалкой! Ведь они не любят слабых.»

Но я только пожала плечами.

– Если передумаешь– звони.

– Спасибо,– она улыбнулась, казалось, с облегчением. – Я знаю, что я дурочка. Я все знаю, но...

– Да ладно. Все мы через это прошли.

– Только я припозднилась,– усмехнулась она.

– Ну, а где ж тебе было. Пока все набирались опыта, ты по двенадцать часов тренировалась в женском монастыре.

– Это точно.

– Может, успеешь еще чаю выпить?

Она взглянула на экран.

– Он уже подъезжает. Сказал, выходить заранее. Не любит ждать.

– Аа...

Сердито зашумел электрический чайник.

Короткое прощание-благодарность-извинение за ранний уход. Мужчины привстали и ответили любезно. Нырнула в туфли-лодочки из Милана. Я подумала, что она одевалась сегодня «для него», не зная, увидит ли, но вдруг... Сегодня «вдруг» наступило, а завтра его не будет. Мне стало ее жаль. И, вернувшись в комнату, я крепко сжала руку мужа под столом. И он придвинулся ближе. Остаток вечера прошел на удивление непринужденно. Почему-то не было «опасных» вопросов, а Тимур в перерыве между пончиками умудрился разговорить Витю на одну из своих любимых философских тем. Он это умел. Я не вмешивалась. Пусть мужчины говорят. Я думала о жене Виктора, о том, какая она и почему они разошлись. Ощупывала языком лунку, где был зуб, и удивлялась, как это мой стоматолог ведет беседу с моим мужем у меня в гостиной...

Подошло время прощаться. Виктор вызвал такси и уже на пороге как бы невзначай сказал:

– А подруга-то несвободна?

Почему-то сказал с оттенком разочарования и, как будто, даже упрека. Или я все это надумала...

– Там все сложно.

– Ясно, – вздохнул он. – У нее сложно. У меня сложно. Значит, не судьба.

– А как же минус на минус дает плюс?

– В математике, – кивнул он, впервые за весь вечер став очень серьезным, и лучики вокруг глаз померкли, оставив лишь бороздки. – В математике – да. А жизнь, она неточная наука.

Он еще раз поблагодарил, пожелав всего наилучшего и распрощался.

Тимур поймал меня на перепутье между комнатами, взял из рук гору грязной посуды, отнес в мойку и только тогда признался. Пока мы с Витой отсутствовали, он рассказал Виктору, что он – не стоматолог. Я сначала оскорбилась, расстроилась. Как он мог саботировать этот вечер, подорвать мою репутацию!

– Не волнуйся. Он сказал, что с ним такое не в первый раз. Очевидно, он пользуется популярностью у пациенток.

– Вот спасибо, успокоил. Теперь он думает, что я одна из тех дурочек...

– А пончики были волшебные! Весь вечер стоил одних пончиков!

– По крайней мере, ты их уплетал со спокойной совестью. А как тебе трюк с бокалом?

– Так это был трюк?

– Конечно! Я же тебя спасала.

– Ну, знаешь, могла бы и побольше доверять собственному мужу! У меня был готов ответ.

– И какой же?

– Дудки я тебе теперь скажу. Мучайся!

Оставив грязную посуду, я вылила остатки белого вина в бокал и села на барный стул, ощущая, как растекается и спадает эмоциональное напряжение вечера.

– Тимур!

– А?

– Смотри!

– Куда? На пустые бутылки?

– Да! Видишь, они одинаковые.

– И что?

– А то, что одну принес Виктор, а вторую – Вита.

– Ааа... мы обменялись долгим взглядом.

Если весь жизненный опыт, включая наши впечатления, воспоминания и эмоции, сохраняется в теле, то под чьим контролем находятся они в действительности: мозга, сознания или души? Кто в ответе за наши «не вовремя» пришедшие воспоминания, за навеянные ароматом духов, словом, выхваченным случайно и попавшим точно в цель, музыкой, зацепившей нерв, натянутый немного сильнее прочих? В наших ли силах остановить это трепетание и должно ли противиться ему в угоду настоящему?..

Вымыта посуда и убрана скатерть, растаяли в прохладе распахнутого окна кулинарные запахи, уняв жужжание, разлетелись по отсекам мысли. Но мерцает разбуженный тем вечером светлячок. Мерцает тем настойчивее, чем больше пытаюсь я от него отвернуться. Светлячок радостно скачет, перебирая по гитарным струнам, разворачивая спрятанные в теле воспоминания, как разворачивает свой холст художник, приготовившись рисовать. И пусть бы воспоминания, но нет... Светлячок перекидывает струну, и она цепляется за крошечный выступ на безупречной равнине моей реальности. Все это происходит так незаметно и изящно, но теперь я чувствую натяжение струны, и оно не ослабевает. Не отпускает мое сознание, в котором по-прежнему светло. И в какой-то момент я перестаю сопротивляться и я... совершаю действие. Я открываю ноутбук. Пока ничего не значащее действие. У него могут десятки различных целей. У меня есть выбор следующего действия. И, размышляя над экраном, я твердо намерена не иметь никаких намерений. На самом деле, это очень сложный трюк: не иметь намерений. Ибо это само по себе является самообманом. Большинство «намеренного вреда» случается именно вследствие ненамеренных действий. Например, если бы я призналась самой себе в момент А, каково мое намерение, я бы, наверняка, остановилась, осознавая глупость своего намерения. Однако я предпочла обмануться «ненамерением». Я просто шла от одного пункта времени к следующему, размывая таким образом очевидные границы причины и следствия. И когда я подошла к заключительному пункту моего путешествия, он показался мне «приключившейся случайностью». «Не знаю, как это вышло», – говорят в таких случаях герои мыльных опер. – Я не хотел. Я тоже не хотела. Иметь намерение. Ибо это означало бы ответственность за свой выбор. А я сказала себе, что выбор был сделан за меня.

В самом деле, я же не виновата, что анонс спектакля с его именем просто выпрыгнул на экран у меня перед глазами... Не виноватая я!..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Сегодня день рождения сына. Пять лет. Как удачно, что он выпал как раз на воскресенье. По этому случаю отец надел новую, специально купленную светло-бежевую льняную сорочку. Он дольше обычного постоял перед зеркалом, довольный собой – сорочка ему шла и придавала его образу немного легкомыслия вкупе со стилем. «Фэшн», как говорит молодежь. Смочив ладонь под краном, прочесал сквозь густые завитки волос. Ну, вот и готов отец именинника. Потом долго искал подходящий пакет для кларнета. В его обычную сумку через плечо футляр не помещался. Наконец, отыскал немного фривольный – с изображением полуобнаженного мужчины – зато подходящего размера. Виктор собирался исполнить песню Крокодила Гены на детском празднике. Предстоявшее выступление было его первым выходом на сцену, и он изрядно волновался, хотя готовиться начал задолго и последний месяц играл почти без ошибок. Отмечать решили в кафе «Арлекин» на Таганке. Пять лет, все-таки, половина декады. Кафе порекомендовала подруга жены. Сказала: «Прекрасные аниматоры, ростовые куклы, шары и так далее, – детям нравится.» Договорились, что поедут вместе из квартиры Ани. После развода она с Егором сняла квартиру на другом конце города.

Могла бы и поближе найти, – думал Виктор, представляя долгий путь.

Ему не терпелось увидеть Егорку и вручить ему подарок. Представлял, как заблестят от восторга глаза у мальчишки, и у самого рот растягивался в улыбке.

Ну, вроде все, – выдохнул он на пороге и двинулся в путь.

Оказалось, на улице шел дождь. Не гроза, а мелкий, сеявший, такой, который и не разглядишь в рассеянных солнечных лучах, пока не почувствуешь мокрые капли на носу и щеках. Быстрым шагом поспешил к метро – за руль садиться не стал. Хотелось все-таки выпить за здоровье сына.

Благодать, ездить субботним утром в метро. И не подумаешь, что двадцать миллионов жителей. «Эти сорок две минуты под землей Я день за днем сложу в года», – пропел Виктор себе под нос в нарастающем скрежете железа.

На следующей станции напротив него села молодая пара. Ему всегда было любопытно, почему в почти пустом вагоне люди выбирают места рядом с другими пассажирами...

Они разговаривали на какую-то серьезную тему. Погруженные в мир, где существовали лишь они двое, не замечали никого вокруг. Они были только друг для друга. Это было видно по тому, как он смотрел на нее; по тому, с какие доверием открывала она ему свои сокровенные переживания. И Виктор невольно залюбовался их искренностью, сиянием, переливавшимся из глаз в глаза. Уже не подростки, но еще с трепетом юности в душах, они умели находить поддержку друг в друге; они умели обнажить чувства, не боясь выглядеть уязвимыми в глазах другого. Что-то было неудачно – девушка жаловалась, но негромко, слов было не разобрать. Мужчина отвечал, находя доводы, она возражала, но не слишком рьяно. Она явно хотела слышать его, черпала уверенность в его словах, и, словно из чаши сообщавшихся сосудов, его любовь, его вера в них обоих постепенно перетекла в нее, разбавив сладостью горечь. По ее щеке скатилась слеза, и мужчина нежно смахнул скользливую каплю. Они не замечали, что пассажир напротив следил за каждым их движением... «Не теряйте этого!» – хотел крикнуть Виктор. «Все остальное пройдет, все невзгоды пройдут, но не теряйте друг друга.» Берегите себя друг в друге. Он разволновался, и сегодняшней день вдруг приобрел для него гораздо большую важность. Этот день, этот миг превратился для него в шанс вернуть то, что у него было. Девушка, очистившись слезами от мучавшего ее огорчения, вернулась в сонм реальности, ощутила неловкость, и, в мгновение стряхнув с себя слабость, стала сосредоточенно-деловой. Она потянула мужчину за рукав, и они выбежали на станции, оставив след в душе случайного пассажира напротив. А Виктор думал над словами, которые скажет Ане. Он хотел

найти слова, которые заставят ее вот так же посмотреть на него. Которые заставят ее глаза вот так же засиять. Когда-то он упустил момент, чтобы вернуть ее внимание, вернуть ее интерес и доверие. Ушел с головой в работу, хотел быть лучшим в своем деле. А на разговоры уже не хватало времени. «Потом, успеется... Никуда не денется»... Не обратил внимания, когда Аня стала дольше обычного сидеть перед компьютером. Точнее, обратил, но не придал значения. Даже обрадовался, что она больше не пристает к нему с «задушевными беседами». Вот и получил... Никто к нему не пристает. Забавно, как быстро можно просмотреть жизнь на видеомониторе воспоминаний. «Вокруг собственной жизни за сорок минут» – увлекательное путешествие. Удивительно, какой именно маршрут выбирает сознание для путешествия. Почему-то из всех десяти лет брака вспоминались дни, начиная с рождения Егора. Огромный голубой бант на свертке в красном одеяле и какая-то странная, пронзившая грудь сладость, когда, заглянув в одеяло, он увидел глаза – светло-карие, почти без ресниц, но такие... живые. И ему показалось, что мир вокруг немного повернулся, а он остался стоять на месте. Может быть, неумело, не афишируя свои чувства, но он их любил. И сегодня он сделает то, что должен был сделать давным-давно, не прячась за щитом оскорбленного самолюбия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.